

А.И. Яковлев*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИРОВОГО КРИЗИСА: СМЕНА МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА

События «Арабского пробуждения», перекроившие политическую карту Северной Африки и Ближнего Востока, остаются предметом острых дискуссий в мировом научном сообществе, предоставляя широкие возможности как для применения прикладных прогностических методов, так и для теоретического осмысления более крупных проблем функционирования мировой системы. В предлагаемой вниманию читателей статье эти события рассмотрены во взаимосвязи с кризисом современной западной модели развития и в качестве проявлений кризиса полумодернизированных обществ. Основное внимание уделено анализу возможных сценариев и параметров развития арабских стран с использованием материальных достижений индустриальной системы и сохранением верности арабо-мусульманской традиции.

Ключевые слова: арабский мир, кризис, капитализм, индустриальное общество, модернизация, система ценностей, культура.

Серьезные политические перемены, произошедшие в ряде стран Ближневосточного региона в 2011–2012 гг. и не закончившиеся в Сирии к середине 2013 г., привлекли пристальное внимание не только арабистов, но также специалистов-международников и политологов. В попытках описать и осмыслить события «арабской весны» появилось немало статей и книг, включая вышедший в свет в 2012 г. большой коллективный труд «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?». Трудно не согласиться с выводом опубликованной в нем статьи Е.М. Примакова: «“Арабская весна”, безусловно, меняет арабский мир» [2, с. 30]. Однако если рассматривать события 2011–2012 гг. в более широком контексте, учитывая политические и социально-экономические особенности арабских стран, можно увидеть, что «Арабское пробуждение» оказалось важным и симптоматичным региональным проявлением общего кризиса мировой системы, точнее, нынешней модели развития, навязанной миру Западом.

На первый взгляд, это трудно сопоставимые явления — многоукладный, политически нестабильный и качественно слабо развитый социум, корни которого уходят в арабо-мусульманскую куль-

* Яковлев Александр Иванович — д.и.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aliv_yak@mail.ru).

туру, и высокотехнологичное западное общество, принадлежащее к европейской христианской цивилизации. Однако, оставив за рамками обсуждения цивилизационные аспекты проблемы, обратимся к формационным, социально-экономическим, политическим и культурным составляющим мирового развития. Мы увидим, что современное арабское общество, более или менее успешно пройдя к началу XXI в. период модернизации, существует и развивается сегодня в рамках индустриальной капиталистической модели, правда, значительно, на порядок отставая от «золотого миллиарда». Это и позволяет рассматривать революционные события на Арабском Востоке как проявление кризиса мировой системы – в полусовременной, полумодернизированной ее части, где конфликтуют между собой не Современность и Постсовременность, как на Западе, а Современность и Традиции, подчас даже Архаика.

Стремление западных стран выйти из системного кризиса путем использования потенциала иных частей мира, в том числе Арабского Востока, конечно, осложняет текущий процесс социально-политического и экономического развития региона и должно учитываться при изучении его направленности и динамики. В свою очередь смена модели развития влечет за собой изменение положения отдельных арабских стран и арабского мира в целом в системе международных отношений.

1

В какой мере можно говорить о кризисе западной модели, послужившей основой для последующего развития всего мира?

Цивилизационные и формационные параметры определяют весь ход исторического процесса. На наш взгляд, чтобы продуктивнее проанализировать развитие общества в этих двух системах координат – цивилизационной и формационной, необходимо рассматривать его как общественно-производственный организм, а не как придаток рыночного хозяйства или механическое соединение различных социальных сил; во внутреннем единстве и взаимозависимости различных его частей (хозяйства, социального строя, политической системы, культуры, духовной жизни и т.д.).

До сих пор мы по инерции принимаем как данность формирование и успешное развитие западной индустриальной модели, основанной на базе европейской христианской цивилизации. Вместе с тем на рубеже XV–XVI вв. «стартовый потенциал» разных регионов мира – Западной Европы, Китая, Индии – был вполне сопоставим. Однако ведущим мирового развития оказался Запад, а Востоку осталась роль ведомого.

Нужно ли к характеристике нового общественного строя в европейских странах добавлять «капиталистический»? Полагаю, да. Если в хозяйственной жизни мира капитал присутствовал издавна, равно как и существовали рынки и рыночные отношения, то лишь на рубеже XVIII–XIX вв. капиталист (буржуа) превратился в Западной Европе в решающего субъекта экономической жизни, стал определять политические и социальные параметры новой общественной формации. К началу XXI в. его место занял финансист.

Известно, что капитализм как общественная система сумел преодолеть несколько внутрiformационных кризисов путем осуществления внутрисистемных реформ. Еще Н.Д. Кондратьев писал о «длинных волнах» кризиса как о «неотъемлемой части капиталистической экономики» [11, с. 390, 394]. К. Поланьи предложил взглянуть шире на капиталистическую формацию и признать, что основная трудность преодоления ее проблем «коренится в интеллектуальном и эмоциональном наследии рыночной экономики, этой фазы машинной цивилизации XIX века, стремительно исчезающей на большей части планеты. Ее ядовитое наследие – вера в экономический детерминизм» [17, с. 23].

Важным рубежом в развитии капиталистической системы стали кризис 1960-х годов и «молодежная революция» 1968 г. Они привели к модификации модели и вызвали к жизни развитие экономики массового производства, появление общества массового потребления, отказ от христианских принципов морали в общественной жизни и внешней политике. Осмысление серьезности и глубины перемен происходило в работах десятков западных и отечественных авторов (Дж. Арриги, И. Валлерстайна, Б.П. Вышеславцева, М. Делягина, А.А. Зиновьева, Н. Кляйн, Б. Линдси, А.С. Панарина, К. Поланьи, П.А. Сорокина, А.И. Уткина, Э. Хобсбаума и др.¹). Следствием такого развития общественно-производственного организма стало нарушение органического характера западной экономики.

«Финансовая система перестала выполнять свою функцию обслуживания реальной экономики и занялась спекуляцией деривативами, – указывали Н.А. Симония и А.В. Торкунов. – <...> произошло практически полное сращивание спекулятивного финансо-

¹ «Рыночное общество сулит не только материальное благосостояние, избавляющее нас от нужды, но и некоторую “индивидуальную свободу” во всех сферах нашего существования, свободу идеального потребителя <...> для удовлетворения его личных удовольствий. Рыночное общество желанно постольку, поскольку способствует освобождению от традиций, верований, обязанностей, некоторой социальной принадлежности, но в то же время приводит нас к новой субъективной и отныне всеобщей зависимости от абстрактной логики “экономических” ценностей, которой отныне подчиняется вся “среда обитания” человека», – писал в 2007 г. Кристиан Лаваль [12, с. 11].

вого капитала с верхушкой соответствующей части бюрократического государственного аппарата» [18, с. 72].

Новая модель «слабо регулируемого финансового капитализма» (Ф. Фукуяма) не является единственно возможным вариантом развития системы, а напротив, отвергает ее изначальные цели и ценности. Впервые об этом заговорил В. Зомбарт в 1913 г. в книге «Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека». Исследуя, что представляет собой «высококапиталистический дух», «каков *идеал*, каковы *центральные жизненные ценности*» современного экономического человека, В. Зомбарт констатировал, что «*живой человек с его счастьем и горем*, с его потребностями и требованиями вытеснен из центра круга *интересов*, и место его заняли две абстракции: *нажива* и *дело*. Человек, следовательно, перестал быть тем, чем он оставался до конца раннекапиталистической эпохи, — *мерой всех вещей*» [10, с. 169].

Наступило господство финансового капитала в социально-экономической жизни и принципа «выгода прежде всего» в общественно-политической. По словам К. Лавалья, «идея, что индивидуумом управляет личный интерес и что его поведение — это доведенный до максимума расчет, не осталась уделом *одной лишь* экономики. На самом деле установилась общая экономика человечества, согласно которой *все* человеческие отношения подчинены личной выгоде» [12, с. 14].

Рынок ориентирован на краткосрочные потребности групп людей (текущий спрос, прибыль), но не приспособлен к учету долгосрочных интересов всего общества. Тем не менее принцип *экономоцентризма* западной модели стал определять весь ход развития стран Востока в процессе модернизации на протяжении последних 50 лет.

Отвергая «иллюзию экономических мотивов», К. Поланьи утверждал: «В истории человеческой цивилизации невозможно найти человека, действия которого направлены были бы на обеспечение индивидуального интереса в получении материальных благ, а скорее всего, столкнемся с тем, что его действия направлены на обеспечение его социального положения, его социальных притязаний, его социальных активов. Он ценит материальные блага преимущественно как средство для достижения этой цели» [17, с. 25]. Однако именно экономоцентристская тенденция стала доминирующей в западной модели развития.

Западный капитализм не только отбросил теоцентристский подход к миру, заменив его идеалом *прогресса*, что произошло в эпоху Просвещения в XVIII в., но во второй половине XX столетия отказался и от антропоцентристского подхода, отвергнув христианскую систему ценностей, приняв идеи *сакрализации рынка* и личного гедонизма. Традиционные установки были заменены иными: вместо

веры в Бога — «религиозная терапия», вместо знаний — информация, вместо работы — зарабатывание денег, вместо любви — получение удовольствия, вместо дружбы — общение, вместо уважения к семье и государству — полная индифферентность к данным институтам. При этом в западном обществе сохранялась наивная убежденность в собственном превосходстве над остальным миром. Такого рода крайности [«западнизм как особая форма социальности»: 9, с. 555—558] и вызвали к жизни серьезные проблемы.

Для непрерывного потребления и наслаждения у все более широких социальных слоев населения западных стран оказалось недостаточно материальных и иных ресурсов. И после периода относительной стабильности в 1960—1980-е годы в разных регионах мира стали возникать серьезные конфликты: в Ираке в 1990—1991, 2003—2013 гг.; Афганистане; регионе Каспийского моря; Африке. Иными словами, для сохранения существующей траектории развития Запада потребовалось реально использовать инструменты насилия.

В усугублении кризисных явлений западного общества существенную роль сыграл технологический фактор. Эра «умных машин» означает упразднение необходимости в низко- и среднеквалифицированных рабочих кадрах. Взрывное явление аутсорсинга, ставшее возможным в эпоху Интернета, создало миллионы рабочих мест в странах Азии, но ослабило позиции «старого среднего класса» на Западе. Однако пока мировой капитал решал свою главную задачу — максимизацию прибылей, естественным, но не ожидаемым следствием такой политики деиндустриализации стал удар по социальной основе стабильности системы. Наряду с нарастающей глобализацией внедрение новейших технологий подрывало положение среднего класса — главной социальной опоры капиталистического строя.

С 1970-х годов в США средние доходы в реальном измерении переживают стагнацию. Сегодня американцы пользуются дешевыми мобильными телефонами, недорогой одеждой, «все большее число людей не может позволить себе собственный дом, медицинскую страховку или достаточный размер пенсии», — писал в начале 2012 г. Ф. Фукуяма. Он указывал также на растущую поляризацию доходов: в 1974 г. 1% самых богатых семей в США получил доход в 9% ВВП, а в 2007 г. объем дохода вырос до 23,5%. «Нынешняя система концентрации богатства в США уже работает на собственное укрепление», — делал вывод Ф. Фукуяма [23, с. 15, 20].

Однако не только все блага нового устройства жизни оказались в распоряжении этого процента населения США и в более широком смысле — узкого слоя людей «давосской культуры» в разных странах мира, в том числе арабских (Д. Трамп, У. Баффет, Дж. Сорос, саудовский эмир Валид ибн Талал и др.). В их руках также сосредоточен контроль за процессом принятия решений, что позво-

ляет им почти монополю выражать свои интересы в СМИ и общеполитических дискуссиях. Выработка решений, связанных с судьбами народов, выведена из-под контроля электората. Эти несколько тысяч людей персонифицируют современную модель финансового капитализма. В отличие от Э. Карнеги, Г. Форда, Дж. Рокфеллера или даже У. Диснея, они являются не организаторами производства, а финансовыми игроками.

Финансовый кризис 2008–2009 гг. как раз и стал проявлением этого противоречия. Разрешить его правящие и господствующие группы могли бы путем самоограничения, возвращения к принципу справедливости, но это ущемило бы их интересы, поэтому был избран иной путь – сохранение существующей модели развития с некоторыми модификациями. Это позволяет смягчить проявления кризиса и замедлить его обострение, но никак не влияет на устранение сути противоречий. Налицо объективная необходимость *реформы системы*: определения новой цели и новых методов развития, осуществления государством и социумом кардинальных перемен в общественно-производственном организме. В основе такого поворота может лежать возвращение к идеалам европейской эпохи Просвещения – принципу свободного развития личности или пересмотр идеи секуляризации ради поиска смысла в рамках христианской религии².

Сравнение современного Запада с Римской империей напрашивается само собой. Тогда, в I–III вв., десятилетие за десятилетием назревал кризис системы, проявления которого видели и власти, и подданные, но те и другие уповали на прочность империи. Однако ослабленная в результате сочетания разноплановых (политических, экономических, морально-нравственных) факторов, система рухнула под напором энергии варваров. С ослаблением ценностной иерархии она «разнежилась» и не хотела меняться³.

Эта аналогия тем более уместна, что наличие в западноевропейских странах миллионов семей мусульман в долгосрочном плане создает потенциальную возможность поглощения христиан-

² Понимание опасности грозящей катастрофы привело немалую часть американцев к поискам новой модели существования: по данным опроса общественного мнения, приводимым А.Б. Вебером, в 2000 г. около 24% взрослых американцев демонстрировали большую приверженность духовным, а не материальным ценностям и выражали обеспокоенность экологическими и социальными проблемами [5, с. 47].

³ Э. Тоффлер в 2006 г. писал о «смерти семейных ценностей, моральных ценностей, традиционных ценностей, религиозных ценностей, о разрушении личной и корпоративной этики», поскольку они «нежизнеспособны» в изменившихся условиях. Он задавался вопросом, «почему следует ожидать, что современная система семьи <...> будет отражать и тот же набор ценностей, который формировала единообразная нуклеарная семейная система, когда Америка была индустриальным обществом?» [20, с. 346].

ской цивилизации иной, обладающей большей жизненной силой, при вероятном сохранении главных формационных параметров существования⁴.

В книге «Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991)» Э. Хобсбаум писал: «Мы живем в мире, который завоеван, лишен своих корней и изменен мощным процессом экономического и научно-технического развития капитализма, властвующего уже два или три столетия. Мы также знаем или, во всяком случае, имеем достаточные основания для предположений о том, что такое развитие событий не может продолжаться *ad infinitum* [до бесконечности (лат.). – А.Я.]. Появились внутренние и внешние признаки того, что мы вплотную приблизились к историческому кризису, а значит, наше будущее не может быть продолжением настоящего» [24, с. 613]. Диагноз системного кризиса капитализма, поставленный с редкой проницательностью около 20 лет назад английским историком, в наши дни становится банальной очевидностью.

События 2008–2013 гг. показали, что общество потребления – даже не в глобальном, а европейско-западном понимании – не может быть построено. «Мы вновь на перекрестке, – писала в 2002 г. экономист К. Перес. – Вновь каждой стране – и всему миру – предстоит решить, позволить ли экономике “казино” существовать далее или же создать условия для процветающего производства и массового благосостояния» [16, с. 213]. В январе 2012 г. даже на Давосском форуме впервые заговорили о кризисе капиталистической системы. Осознание этой проблемы побуждает пересмотреть вопрос о перспективах модернизации арабских стран по западной модели.

2

Развитие арабского общества в течение нескольких столетий в силу внутренних и внешних причин шло довольно медленными темпами, однако в середине XX в. в разных странах региона начал разворачиваться бурный процесс модернизации. Его целями национальные власти ставили выход из состояния устойчивой отсталости, создание условий для стабильного социально-политического развития и совершение скачка в социально-экономической сфере ради повышения уровня жизни в их странах и обретения достойного места в мировой системе.

За нормативный образец в 1960–1970-е годы повсеместно была принята модель современного индустриального общества в двух

⁴ Французский политический деятель Д. Веннер накануне самоубийства в соборе Парижской Богоматери в мае 2013 г. в знак протеста против закона о легализации однополых браков сказал, что этот закон непременно отменят через 15 лет – когда во Франции господствующей станет мусульманская культура.

вариантах — западном (основанном на ценностях рыночной экономики, западной модели демократии и прав человека) и советском (базирувавшемся на идеалах справедливого социального устройства). В обоих случаях необходимо было совершить рывок в экономическом развитии путем индустриализации и проведения аграрной реформы, в социальном развитии — путем ликвидации неграмотности, создания национальных систем образования и здравоохранения.

Названные общие для государств региона цели были достигнуты в них в разной степени, на что повлияло определенное сочетание факторов: экономического и природного потенциала, исторического опыта и уровня связей с западными странами. Неоднородность арабского мира, впрочем, не мешает рассматривать его как своеобразный арьергард западной модели, где до наших дней продолжается «очаговое развитие капитализма».

Модернизация привела к росту ВВП и переменам в отраслевой структуре национальных экономик, чему в первую очередь способствовало обретение регионом особой значимости для мировой экономики и политики как крупнейшего поставщика нефти и газа. Неудивительно, что наиболее эффективными стали реформы в нефтедобывающих странах, тогда как в капиталододефицитных государствах качественные преобразования оказались «очаговыми», затронувшими лишь уязвимые участки экономики. Общими для тех и других стран тенденциями стали возрастание роли государства в экономике, использование внутренних и внешних источников финансирования для продолжения политики этатизма, что привело к формированию гипертрофированного и малоэффективного государственного сектора. В ряде стран (Тунисе, Египте, Иордании) по рекомендации МВФ правительства в 1990-е годы начали переход от жесткого государственного регулирования экономической жизни к развитию рыночных механизмов [см.: 2, с. 36–46]. Однако, во-первых, такая политика приносит плоды лишь в долгосрочной перспективе (15–20 лет), а во-вторых, правительства вынуждены были реагировать на нарастание социального недовольства населения. Недаром в Сирии в 2005 г. правительство приступило к реализации программы «социально ориентированного рынка».

Как бы то ни было, следование основным параметрам западной модели экономического развития оказалось пагубным. Следует согласиться с выводом А.О. Филоника: «...именно западные рецепты преодоления экономической отсталости заложили мощную базу потрясений в арабском обществе, резко увеличив здесь в начале нового десятилетия текущего века скорость и интенсивность внутренних изменений» [2, с. 36].

В то же время показательно, что главный двигатель современного социально-экономического развития — информационно-технологический уклад — не получал и не получает должной поддержки от государства и тем более от частного сектора: в 2000 г. доля совокупных частных и государственных расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в ВВП арабских стран составила 0,2–0,3%, в то время как в США — 2,7%, в Израиле — 4,7% ВВП [15, с. 170].

В ходе развития по западной модели, конечно, возник и начал укрепляться частный сектор, пользовавшийся покровительством со стороны государства. Однако национальный капитал повсеместно был чрезмерно боязлив, не обладал должной квалификацией и опытом, а потому проявлял интерес к краткосрочным проектам преимущественно в сфере услуг (торговля, туризм, финансовые операции) или в секторах, обслуживающих экономическое развитие: пищевое и швейное производство, строительство и производство строительных материалов и т.п.

Таким образом, западная модель в своей экономической части была реализована в арабских странах лишь как системообразующий *принцип развития*, без воплощения в виде равнозначных — государственного и частного — субъектов хозяйствования, поэтому так велики трудности в решении главных задач арабских стран: повышения эффективности экономики и увеличения занятости населения⁵.

Модернизация существенно изменила социальные параметры и социальную структуру арабского общества. Заметно возросли показатели продолжительности жизни и грамотности⁶. Возникли и быстро сформировались новые социальные силы: крупная и средняя национальная буржуазия, рабочие промышленных предприятий, служащие государственного и административного аппаратов, национальная интеллигенция.

Вместе с тем в силу скоротечности этих процессов новые социальные силы в значительной степени сохранили традиционное мышление, привычную систему ценностей и идеалов. Прочная инерция внутренних установок проявляется не только в верности исламу, но и в привычном иждивенчестве, ожидании помощи со

⁵ По мнению В.А. Мельянцева, арабские страны еще находятся на невысокой стадии индустриализации. Среднегодовые темпы прироста их подушевого ВВП составляли в 1950–1980-е годы до 3,6%, а к 2010 г. уменьшились в 6 раз — до 0,5–0,7%, а темпы прироста производства в обрабатывающей промышленности составили соответственно 6 и 5%. Доля арабских стран в мировом экспорте в 1980 г. была 10,4%, в 2008 г. — 5,8%, а доля высокотехнологичной продукции в экспорте в 2008 г. — всего 1,8–2,0%, что на порядок ниже соответствующего показателя в странах Запада — 21–22% [15, с. 166–168].

⁶ Средний показатель грамотности вырос с 17% в 1960 г. до 74% в 2009 г.; а средняя продолжительность жизни — с 46 до 69 лет [15, с. 170–171].

стороны государства, слабом уважении к частной инициативе, склонности к риску в делах. Этим обусловлены сосредоточенность крупной и средней национальной буржуазии на краткосрочных и спекулятивных сделках, ее слияние с госаппаратом для обеспечения своих интересов и пренебрежение целями национального развития. Тем же объясняется и низкая эффективность госаппарата при высокой степени его коррумпированности. Показательно, что доля занятых в госсекторе в начале XXI в. составляла до 20% трудоспособного населения арабских стран – вдвое больше, чем в государствах западной модели развития. Слабое участие национальной научно-технической интеллигенции в процессах модернизации вызвано не только объективными причинами (масштабное развитие современной системы образования началось на Арабском Востоке лишь в 1960-е годы), но также прочной гуманитарной традицией арабо-мусульманской цивилизации, не пережившей своих промышленной и научно-технической революций.

«Средний слой» арабского общества, который, согласно западной (нормативной) модели, должен был стать социальной опорой нового строя, оказался по западным меркам «низшим средним» слоем, смыкающимся с мелкой буржуазией и наемными работниками (рабочими и служащими). Вопреки нормативной модели социальная мобильность осталась слабой, отсутствовали «социальные лифты», что неизбежно вело к стагнации и росту напряженности.

Неожиданным следствием модернизации стало превращение молодежи, чья доля в населении составила 30–40%, в самостоятельный фактор социально-политической жизни Арабского Востока. Столь же неожиданными оказались сохранение бедности, резкий скачок безработицы (особенно среди молодых людей) и возрастание социальной поляризации в обществе.

Качество рабочей силы за полвека заметно возросло, сократилась доля неквалифицированных и низкоквалифицированных работников, число специалистов высшей квалификации увеличилось вдвое – с 5 до 10%, однако в странах Запада, да и в некоторых государствах Юго-Восточной Азии эта цифра ныне составляет 50%⁷. В целом в публикуемом Программой развития ООН рейтинге ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала) за 2009 г. арабские страны выглядят вполне достойно, хотя дифференциация весьма велика: Кувейт – 30-е место, Катар – 32-е, ОАЭ – 34-е, Бахрейн – 38-е, Саудовская Аравия – 58-е, Ливан – 82-е, Йорда-

⁷ По числу исследователей на 1 млн человек арабские страны в 2007 г. сильно уступали странам Запада: 300–330 и 4–5 тыс. человек соответственно; число опубликованных в арабских странах научных статей было в 3–4 раза меньше, чем в среднем в мире, и в 14–15 раз меньше, чем в западных государствах [15, с. 172].

ния – 95-е, Египет – 121-е, Марокко – 128-е (для сравнения: Япония занимает 10-е место, Афганистан – 179-е [6, с. 164–167]).

Таким образом, социальное развитие арабских стран очевидно, но оно шло намного медленнее и принесло менее качественные плоды, нежели в исходной модели⁸.

Отличие от экономических и социальных реформ, преобразования в сфере политической жизни происходили в арабских странах с бóльшим учетом национальных особенностей. Так, нефтяные монархии Залива, обладая избытком капитала, смогли обеспечить социально-политическую устойчивость существующей власти и обратились к политическим переменам в конце эпохи модернизации. Страны с капиталододефицитными экономиками, лишенные обилия нефтедолларов, вынуждены были использовать политические инструменты для обретения и сохранения политической стабильности. Этим, например, обусловлены особая роль армии в политической жизни Египта, Ирака и Сирии и закрепление в сирийской конституции в период правления Хафеза Асада роли правящей партии БААС (ПАСВ) как «руководящей силы общества и государства».

В Саудовской Аравии, Омане и ОАЭ сохранились абсолютные монархии, в Бахрейне, Иордании, Катаре, Кувейте, Марокко возникли конституционные монархии, в остальных странах Магриба, Египте, Ираке, Сирии и Йемене – президентские республики, в Ливане – парламентская республика. За полвека во многих государствах Арабского Востока были приняты конституции (в 1926 г. – в Ливане, в 1959 г. – в Тунисе, в 1971 г. – в Египте, в 1996 г. – в Алжире, в 2005 г. – в Ираке) или акты, имеющие конституционное значение (в 1992 г. – в Саудовской Аравии, в 1996 г. – Омане); созданы органы законодательной власти – парламенты или близкие по значению структуры (консультативные советы в Катаре, Саудовской Аравии и Омане).

Таким образом, арабские страны в процессе модернизации приложили немалые усилия для того, чтобы полнее и гармоничнее вписаться в современный мир с его господством западных ценностей и норм. Однако западная модель в политической сфере жизни не только оказалась заимствованной во многом формально, но и начала функционировать по своим законам: племенные, земляческие, клановые, национальные, конфессиональные факторы имеют в арабских государствах большее значение и действуют подчас эффективнее, нежели «нормативные» принципы западной демократии.

Особенности политических систем и характерные черты политической культуры стран Арабского Востока как раз и проявились

⁸ Анализируя текущее социально-экономическое развитие арабских стран, В.А. Мельянцеv в 2012 г. назвал его «кризисом модели развития» [14].

в период «арабской весны» 2011 г. Против правящих режимов выступили как выросшие в эпоху модернизации арабские либералы, требующие углубления преобразований с ориентацией на западную модель, так и исламисты разного толка, призывающие к отказу от дальнейшего следования опыту Запада.

В Египте после отстранения президента Х. Мубарака от власти произошел очередной «прыжок в неизвестность». Политическая система страны в период модернизации в 1950–1990-е годы может быть определена как необонапартизм, или «направляемая демократия»: государством управлял авторитарный режим, оперировавший демократическими формами, такими как парламент, выборы и партии, без использования самого принципа демократизма. Эта политическая система демонстрировала жизнеспособность на протяжении довольно длительного времени, но в 2011 г. выяснилось, что с завершением процесса модернизации ее время закончилось.

Тем не менее не оправдались и озвученные либеральным арабским политологом Валидом Фаресом надежды на то, что грядущая арабская революция станет демократической в западном понимании: «Мир мусульманских демократов — богатая мозаика мыслей, учений, идей, выдвигаемых людьми разного происхождения <...> — это геном будущего Ближнего Востока, который определит, восторжествует ли когда-нибудь демократия в этом регионе» [21, с. 440]. Арабский автор ожидал выступления «демократов Ближнего Востока» и против правящих режимов, и против исламистов, сил джихада. Однако в Египте арабское общество и в сфере политики, как и в социальной жизни, оказалось довольно консервативным и заявило о верности традиционным основам, дополненным некоторыми элементами западной политической модели.

Как пишет А.Г. Аксененко, итоги первых свободных послереволюционных выборов в парламент Египта показали, что «большинство избирателей высказалось в пользу религиозного традиционализма, связывая именно с этой идеологией своего рода нового национализма понятия социальной справедливости, национального достоинства, а также надежды на лучшую жизнь. С другой стороны, это было безусловным выражением вотума недоверия в адрес тех политиков, которые выступали как с либерально-демократических, так и с левых или с традиционно националистических позиций» [2, с. 213].

Первые свободные выборы продемонстрировали, что изменилась, выросла политическая культура египетского общества, которое стало отвергать и методы насилия со стороны власти, и многообещающую риторику различных политических сил. В то же время подтвердилась реальная роль религиозного фактора и «фактора

армии» в политической жизни страны, что, конечно, выходит за рамки западной модели.

Выборы президента Египта летом 2012 г. показали более высокую политическую зрелость общества, обеспокоенного реальностью общенационального кризиса и нашедшего выход в обращении к силам, которые сочетают умеренный ислам и светские начала. Референдум по конституции Египта в декабре 2012 г. стал свидетельством неустойчивого компромисса светски настроенного большинства (63,8% избирателей), одобрявшего основной закон, и непреклонных мусульман (36,2%), отвергнувших ее проект. В принятом тексте статья 2 сохранена в формулировке, существовавшей последние 40 лет: «Положения шариата являются основным источником законодательства» [4, с. 2].

В модернизированной Саудовской Аравии в начале 2011 г. уровень конфликтности в обществе и масштабы экономического кризиса оказались намного слабее, чем в Египте. Тем не менее и в этой стране в феврале 2011 г. был распространен умеренно-революционный манифест «Заявление 23 февраля», подготовленный группой вестернизированных либеральных интеллектуалов, которые предлагали королю осуществить пересмотр конституционных актов, провести радикальные преобразования государственного аппарата и перемены в социально-политической жизни [2, с. 357]. Ответ короля Абдаллы оказался решительным: из государственного бюджета и личных средств монарха было выделено более 35 млрд долл. на нужды социального обеспечения, развитие системы профессиональной подготовки женщин, повышение стипендий студентам, а также возведение жилья для молодежи. Он имел все основания заявить, что его страна добилась «решающего успеха в отражении наступления гадины террора и разрушении ее организационных структур» [2, с. 358, 359]. Тогда же, в феврале 2011 г., было объявлено о создании в королевстве первой партии, претендующей на легальный статус, — Исламской партии уммы. Составляющие ее силы, лояльные к существующей власти, принимают принцип правящей династии Саудидов: «Взвешенное обновление, основанное на исламских ценностях» — патернализм в социально-политической сфере и ислам в общественной жизни в целом.

Этот принцип, закрепленный в Основном законе 1992 г., действует и не ставится под сомнение: источниками власти режима являются Священный Коран и Сунна пророка, которым должны соответствовать другие законы (ст. 7). Государство стоит на защите исламской веры, реализует ее установления, следит за отсутствием греховности, препятствует пороку, выполняет долг распространения ислама, защищает права человека в соответствии с законами ислам-

ского шариата (ст. 26). Маджлис (совет) короля и наследного принца открыт для всех граждан, дабы каждый мог использовать свое право обсуждения с органами власти любых вопросов⁹ (ст. 43) [см.: 27]. В саудовских базовых законах нет упоминания ни о воле народа, ни о естественном праве, гражданском обществе или демократии свободы и равенства — этих и иных нормативных для западной модели показателях современного буржуазного общества. Напротив, в них закреплены принципы теоцентризма, патриархального авторитаризма и общинных (коллективных) ценностей. Иными словами, в Саудовской Аравии пока не ставится под сомнение «подчинение символическому порядку вещей» (К. Лаваль), при котором социальная группа обладает онтологической ценностью и моралью более высокого порядка, чем отдельный индивид.

Таким образом, в Саудовской Аравии модернизация парадоксальным образом содействовала не только появлению Современности, но и сохранению, даже возрождению Традиции в процессе симбиоза (или даже синтеза) этих двух начал [см.: 25, с. 54–58].

Разного рода примеры подтверждают противоречивость взаимодействия Современности и Традиции в ходе модернизации саудовского общества: большинство населения не отрицает необходимости перемен, но в то же время, отказавшись от трансформации по западной модели, пытается использовать некоторые ее структуры и элементы, адаптировав их под свои реалии. Сын великого саудовского реформатора короля Фейсала эмир Халед Аль Фейсал, выступая в декабре 2011 г. в Исламском университете в Мекке, подчеркнул: «...если в Европе революции были направлены против Церкви, то здесь они свершаются ради Мечети» [2, с. 375]. В этих словах эмира Халеда фактически вынесен приговор благополучно использованной в социально-экономической сфере западной модели развития, системообразующими элементами которой были принципы свободы совести и свободы личности, оказавшиеся чуждыми системе ценностей саудовского общества.

Очевидно, что революционные процессы в странах Арабского Востока порождены сочетанием серьезных объективных причин. «По существу, участники массовых выступлений, коллективным организатором которых стали социальные сети, вынесли вотум недоверия авторитарным режимам (“пожизненным президентствам”). Последние оказались неспособны решить проблемы нищеты, безработицы, а в более широком смысле — модернизации

⁹ По инициативе короля Абдаллы был создан Центр национального диалога имени короля Абдель Азиза, функции которого состоят в установлении регулярного диалога и взаимодействия саудовского общества и саудовской власти. Так, на седьмом форуме в апреле 2008 г. обсуждали проблемы безработицы и роли частного сектора в создании новых рабочих мест [28, р. 218–220].

своих стран, встраивания их в глобализирующийся мир растущей взаимозависимости», — писал П.В. Стегний [19, с. 68].

Полвека модернизации подвели Арабский Восток к тому же выбору, который существовал в середине XX в.: выживание или развитие? В условиях кризиса самой западной модели капитализма, по мнению А.О. Филоника, «тем более она, видимо, не вписывается и в современный арабский мир, который пытается воспроизвести ее с максимальной степенью похожести и в еще большей степени воспроизводит ее огрехи, усугубляемые его спецификой» [2, с. 70–71].

3

Весной 2013 г. на мое предложение обсудить будущее арабского мира один из студентов ответил: «Я не умею гадать». Что и говорить, гадание — вещь увлекательная, но малопродуктивная. Однако даже в пределах нашего нынешнего знания и понимания ситуации в Ближневосточном регионе вполне реально наметить основные параметры и тенденции ее развития. Перемены, происходящие в странах Запада и Арабского Востока, не могут не привести к изменениям положения региона в системе мировой политики. Арабский Восток в глобализирующемся мире будет испытывать на себе влияние *внешних сил*, в свою очередь все более втягиваясь в сотрудничество не только с Западом, но и с Востоком (Китаем, Индией, странами Юго-Восточной Азии), которым нужны его ресурсы.

Судя по событиям 2011–2012 гг., на Арабском Востоке уже происходит отказ от западной модели современного общества как нормативной. Какой смысл менять исламский фундаментализм на рыночный? Тем не менее это не означает отказа от ориентации на опыт и достижения Запада. Как отмечал У. Мак-Нил, «ни один народ не может догнать и перегнать весь остальной мир, не воспользовавшись самыми передовыми мировыми достижениями, а те, по определению, концентрируются в мировых центрах процветания и могущества...» [13, с. 31].

Н.А. Симония и А.В. Торкунов, например, видят возможный вариант социально-экономического развития США в долгосрочной перспективе в переходе к «новой экономике» посткапиталистического общества на основе новейшего информационно-технологического уклада с отказом от модели «традиционного индустриализма» [18, с. 80]. Арабским экономикам, судя по всему, придется решать задачу «встраивания» в эту постиндустриальную экономику.

Успешные примеры такого рода дает стремительное развитие современных коммуникаций. «Мы творим мир, в который могут войти все, без привилегий и дискриминации, независимо от цвета

кожи, экономической или военной мощи и места рождения», — сказано в «Декларации независимости киберпространства» (1996) [цит. по: 3, с. 188]. В 2010 г. в странах Арабского Востока насчитывалось около 60 млн пользователей Интернета, почти треть всего населения. В Саудовской Аравии (где Интернет ввели в 1999 г.) в 2009 г. таких было 10 млн человек (34,7% населения), а в 2013 г. эта доля выросла до 50%, достигнув уровня Иордании [26, р. 201]. Известно, что сайт WikiLeaks стал катализатором революционной ситуации в Тунисе. Менее известно в мире о широком распространении религиозных сайтов, созданных мусульманами. По оценкам, до 65% контента всех арабских сайтов в Интернете посвящено исламской тематике [3, с. 190].

К главным параметрам будущего развития можно отнести продолжающиеся процессы *глобализации* и *регионализации*, осознание внутреннего единства и общности судеб стран и народов региона. Видимые проявления глобализации очевидны, этот объективный процесс уже не остановить. Увеличение масштабов торговых потоков, усиление региональной миграции, ослабление роли национальных государств (и правительств) — явные тому доказательства. В то же время возрастание интенсивности взаимных обменов и укрепление взаимозависимости в процессе глобализации прекрасно уживаются с формированием глобализационного «центра», основанного на военной и экономической мощи, т.е. прежде всего на способности самостоятельно производить современные вооружения. Однако если имеется «центр» глобализации, то есть и «периферия», и отношения между ними не могут быть равноправными и гармоничными.

Тем не менее само наличие исламской модели экономики (пускай пока только в банковско-финансовой сфере), существование ЛАГ, ОПЕК, Организации исламского сотрудничества, потенциально значимого Совета сотрудничества арабских государств Залива (в рамках которого согласовываются не только военно-политические, но и экономические проекты) позволяют говорить о регионализации как близкой реальности. Другое дело, что в действительности понятие «Ближний Восток» может ограничиться рамками географии, а в экономической и политической жизни этот макрорегион распадется на несколько блоков, «территориально-цивилизационных комплексов» с относительно самостоятельными интересами, собственными идеалами, нормами жизни и стереотипами. «Культурный плюрализм и дифференциация, — по словам У. Мак-Нила, — доминирующие черты истории человечества, но за ними всегда просматривается общность» [13, с. 31].

В перспективе на ближайшие десятилетия для нефтеэкспортирующих стран региона развитие возможно по сценариям «энерге-

тика навсегда» (20–30 лет) и «возвращение в пустыню» (75–100 лет) [цит. по: 1, с. 141–143]. В первом случае эти страны сохранят опору на нефтегазовый сектор экономики и верность существующему социально-экономическому курсу, хотя потенциальными препятствиями на этом пути станут истощение водных ресурсов и присутствие на постоянной основе огромных масс иностранных работников. Второй сценарий предусматривает постепенное истощение нефтяных и газовых месторождений, а также сокращение потребностей мирового рынка в ближневосточном сырье за счет переориентации западной промышленности на внедрение альтернативных источников энергии, развития шельфовых месторождений и неконвенциональных углеводородов (особенно в США)¹⁰. Недостаточная эффективность солнечной энергетики и трудности создания национальной атомной промышленности в перспективе могут резко сократить возможности для дальнейшего роста в арабских государствах, и тогда произойдут упрощение структуры экономики и понижение уровня жизни населения, что приведет к натурализации социума по канонам исламского и племенного мироустройства.

В системе мировой политики положение стран Залива может сохраниться в неизменности в случае реализации первого сценария при условии заинтересованности западных экономик в непрерывных поставках углеводородов. Измениться это положение может вследствие не только истощения природных ресурсов, но и коренной трансформации политического курса Саудовской Аравии, отхода от прагматичного сочетания традиционных и современных начал ради возвышения Традиции. При отказе от модели массового потребления отношения с западными странами утратят жизненную необходимость, а вот общность идеалов и целей может привести к формированию межрегионального кластера (арабомусульманской интеграции) на основе исламских ценностей и экономических интересов: Индонезия – Малайзия – Пакистан – арабские страны Персидского залива.

Для арабских государств, не являющихся крупными нефтеэкспортерами, на ближайшие 20–30 лет возможными представляются такие сценарии: «средиземноморская интеграция», «арабская улица» и «исламское возрождение».

Первый вариант основан на тенденции превращения экономической интеграции арабских стран Средиземноморья и государств Евросоюза в систему тесного экономического сотрудничества.

¹⁰ Пример Бразилии, в которой автомобильный транспорт в основном перешел с бензина на этанол, показывает возможность обретения реальной альтернативы нефти в виде биотоплива.

Развитие солнечной энергетики в больших масштабах и транспортировка электроэнергии по подводным кабелям по дну Средиземного моря превращают страны Северной Африки в крупных экспортеров энергоресурсов на новой, не углеводородной основе. Правда, при слабой заинтересованности Запада в укреплении арабских экономик эти страны остаются на положении младших, неравноправных партнеров.

Потенциал второго варианта развития показали события «арабской весны» 2011 г.: в условиях неизбежного сокращения экспортных природных ресурсов, прямых иностранных инвестиций и финансовых возможностей государства и одновременно — продолжающегося демографического роста с увеличением «молодежного бугра» происходит обострение социально-экономического и политического конфликтов. Значительные массы населения маргинализируются, а их последующие структуризация и институционализация приводят к устойчивой и длительной политической нестабильности, замедлению экономического роста, «откату назад» в политической жизни и по социально-экономическим показателям на уровень Палестинских территорий, Ирака, Пакистана и Бангладеш.

Третий вариант основан на сохранении значимости исламского фактора и традиций авторитаризма. В условиях текущего экономического кризиса и в поисках новой модели развития к власти приходят исламские силы. С установлением политической стабильности вероятен приток инвестиций извне (из стран Запада, Китая, Южной Кореи), что создаст предпосылки для экономического роста по *иранской модели*: экономическая модернизация + авторитарный исламский режим + традиционалистская религиозно-культурная среда (*турецкий вариант*: экономическая модернизация + авторитарный светский режим + традиционалистская религиозно-культурная среда).

Развитие по первому сценарию ведет к выделению части Северной Африки и ее мягкой интеграции с европейским Средиземноморьем. Второй и третий сценарии еще более уменьшают значение арабских стран как субъектов мировой политики и могут привести к указанному ранее варианту межрегиональной арабо-мусульманской интеграции. Нельзя исключить и усиления роли таких субрегиональных держав, как Турция и Иран¹¹, в чью орбиту влияния могут попасть Ливан, Сирия и Ирак.

¹¹ В перспективе в этот ряд, конечно, может встать и Саудовская Аравия, но после полного завершения модернизации: преодоления неопределенности в формировании властных структур, отказа от передачи престола от одного сына короля Абдель Азиза к другому, демократизации политической системы, а также создания развитой многоотраслевой экономики.

Основные показатели возможной модели развития арабского мира в целом, на наш взгляд, следующие.

Природно-демографические и *экономические* процессы определят важные параметры будущего существования стран региона. Природно-климатические условия станут ограничением на пути обеспечения все возрастающего населения продовольствием. По прогнозам демографов, численность населения арабских стран будет расти на протяжении ближайших десятилетий и увеличится, по расчетам, с 308,6 млн человек в 2005 г. до 738,0 млн к 2100 г. [1, с. 4].

Еще одним очевидным параметром будущего развития видится сохранение *религиозно-культурной Традиции* (хотя бы и в смягченном по сравнению с сегодняшним днем виде). На протяжении XX в. западное общество, став крайне рациональным, утратило некоторые этические принципы своей цивилизационной идентификации, формальным признаком чего стал отказ от признания христианства основой европейского сообщества в проекте конституции Европейского союза 2005 г. Однако на Арабском Востоке модернизация не сумела (не успела) умалить традиционные цивилизационные установки, идеалы, принципы, ценности. До настоящего времени критерием самоидентификации в регионе является принадлежность к арабо-мусульманской культуре и исламу. Именно в традиционной системе ценностей, вертикально ориентированной на высшую, абсолютную ценность — Бога, открывается возможность для построения новой арабской модели капиталистической формации. Ее базовыми ориентирами могут стать *благо человека* и *социальная справедливость*.

В названных условиях власти арабских государств, возможно, в рамках региона столкнутся с необходимостью решать ту же задачу, что и западные правительства: в каком направлении изменить модель развития — модифицировать существующую путем «реформы внутри системы» или создать новую с помощью «реформы всей системы»? Представляется, что события «арабской весны» 2011 г. в Тунисе и Египте как раз и выражали, хотя бы и неявно, эту сложную дилемму, перед которой стоит арабский мир. Выбор и первого, и второго направления одинаково сложен, да и перспективы равно неопределенны.

По мнению А.Г. Аксененка, в Египте «можно ожидать теократизации демократически избранных институтов, хотя возможность исламской, но демократической по своей сути модели остается. Причем не иранского образца радикального исламского государства и даже, возможно, не турецкого» [2, с. 220]. Слишком сильна инерция привычной и соответствующей нынешнему менталитету людей политической культуры арабо-мусульманского общества.

Идея *социальной справедливости*, поднятая на щит митинговавшими на арабских площадях, может стать на определенное время решающей тенденцией общественного развития. Эта идея содержится и в религиозных учениях христианства и ислама, и в идеологических доктринах европейского и арабского социализма. Ее выразителями стали не бедняки, привыкшие к своей бедности, а образованный слой арабов, впитавших начала западной культуры. Не примитивное уравнение, но соблюдение принципа справедливости (в доходах, социальном положении, политических и религиозно-культурных правах) — вот чего требовали демонстранты на улицах городов Туниса и Египта¹². Они не имели этого, потому что принцип справедливости был исключен из западной модели общества, что в самих странах Запада поняли совсем недавно. Однако при отказе от современной западной модели как нормативной открываются возможности для поиска общественного согласия на новых принципах, для симбиоза (может быть, и синтеза) Традиции и Современности.

Принцип демократизации власти, в 2011 г. вынесенный на знамена светской арабской оппозиции, имеет немного шансов на укоренение в регионе. И дело не только в исторических традициях арабского общества, скоротечности и фрагментарности процесса модернизации. Сложность и важность задач, которые неизбежно встанут в ближайшие годы перед арабским обществом в целом и в рамках отдельных национальных государств, потребуют установления сильной власти для выхода из нынешнего кризиса и сохранения стабильного развития, для проведения коренных преобразований в целях адаптации к условиям стремительно меняющегося мира. Так что *авторитаризм развития* еще не изжил себя на Арабском Востоке (а возможно, и в иных регионах).

Во второй половине XX в. западные либеральные советники настойчиво подталкивали правителей арабских стран — и монархов, и президентов — к уменьшению роли государства в экономике и даже ослаблению его функций в общественной жизни, убеждая их, что рынок все расставит по своим местам в экономической сфере, а гражданское общество сумеет решить все социальные проблемы. Однако абсолютизация либеральных принципов не оправдала себя даже на родине либерализма. На Западе после финансового кризиса 2008—2009 гг. вновь вспомнили Дж. Кейнса и заговорили о необходимости закрепить легитимность государства

¹² Страновые различия между движущими силами «арабских революций» весьма велики. В Ливии, где структуры и институты, соответствующие западной политической модели практически отсутствовали, лидеры оппозиции стремились захватить власть ради обретения контроля над всеми ресурсами (явление ретрадиционализма); фактически там происходит откат к племенной социальной организации.

как выразителя общественных интересов. Все это позволяет предположить, что в арабском мире государство останется главным и решающим субъектом в общественной жизни.

Конечно, это не означает буквального возрождения халифата или авторитарных режимов 1960-х годов, но именно государство окажется в состоянии определить цели национального развития, сконцентрировать ресурсы и направить процесс социально-экономических реформ, хотя его деятельность будет более эффективной при сотрудничестве с выразителями интересов Традиции (мечеть) и Современности (университет).

Таким образом, в ближайшие десятилетия можно ожидать больших перемен в мире и на Арабском Востоке. Нам выпал шанс быть свидетелями кардинальной трансформации картины мира, сформировавшейся еще в XVI–XVIII вв., мира с господством Запада. Понятно, что ослабленный Запад не хочет уступать свое лидерство и имеет немало оснований для сохранения своих позиций, но столь же очевидно, что рядом с ним встает модернизированный Восток, стремящийся к восстановлению своего могущества, утраченного пять веков назад.

«Если человечество задумывается о будущем, то это будущее не может быть продолжением прошлого или настоящего, — писал Э. Хобсбаум. — Попытки построить третье тысячелетие на прежних основаниях будут обречены на неудачу» [24, с. 614]. Очевидно, что сегодня в определении контуров мировой системы стоит отказаться от узкого экономоцентристского подхода к развитию, понять также ограниченность европоцентризма и строить планы не только в формационной, но и в цивилизационной системе координат. Вероятно, нынешняя модель финансового капитализма в перспективе останется эпизодом в мировой истории.

Как знать, не суждено ли Востоку реализовать ту новую модель развития, основные черты которой в 1967 г. обозначил Дж. Гэлбрейт, предлагая «индустриальную систему рассматривать лишь как часть — и притом относительно уменьшающуюся — сферы деятельности человека. <...> Над людьми не будет довлеть ложная вера в то, что, помимо целей индустриальной системы — помимо производства товаров и получения дохода с помощью все более совершенных технологических методов — в жизни нет ничего важного. <...> Если же общество станет решительно утверждать значение других целей, то индустриальная система займет подобающее ей место в качестве обособленного, самостоятельного в своих действиях орудия государства, призванного, однако, служить более широким общественным целям» [7, с. 566–567].

Если Западу не удастся смягчить назревающий кризис и плавно перейти в новое состояние, там, вероятно, возникнут очаги депрес-

сии и даже хаоса, упадут технологический уровень производства и уровень жизни. Для стран Востока в целом и наиболее развитых арабских государств в частности, напротив, могут создаться условия для качественного рывка путем освоения принципиально нового вида технологий, сочетающих высокую производительность с простотой и дешевизной [см.: 8, с. 8]. Сложно организованные системы должны платить за свою эффективность высокой степенью уязвимости ко всем видам «неполадок» (экономических, социальных, политических и иных), которые не могут причинить вреда более простым системам, чье функционирование зависит от меньшего количества менее слаженных и менее сложных компонентов.

В таком случае на Ближнем Востоке возможно обращение к арабо-мусульманским цивилизационным истокам, но не ради их противопоставления капиталистической системе, а в поисках непротиворечивого симбиоза этих двух разнородных начал. Итогом этого процесса в долгосрочной перспективе может стать возникновение региональной модели посткапиталистического общества.

Конфигурация мировой системы меняется, формируются новые центры силы. В сфере мировой политики это рано или поздно приведет к столкновению фундаментальных интересов слоя людей глобальной (космополитической) «давосской» культуры с интересами других социальных и политических групп, к возникновению новых конфликтов и новых региональных и межрегиональных коалиций не на привычной политико-идеологической основе, а на иных платформах — эколого-экономической, религиозно-культурной и проч. Например, на Арабском Востоке потенциальными источниками региональных противоречий становятся процесс «суннитизации», углубление суннитско-шиитского противостояния и дефицит водных ресурсов.

С точки зрения внешнеполитических интересов России рутинные проблемы палестино-израильского конфликта все же дают (в краткосрочном плане) больше оснований для взаимодействия с различными региональными силами, нежели перспектива длительной и устойчивой неопределенности, сложившаяся в нынешний период кризиса отработавшей модели развития и перехода к новой общественно-политической парадигме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимов А.В., Яковлев А.И.* Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М.: МГУ, 2012.
2. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Под. ред. В. Наумкина, В. Попова, В. Кузнецова. М.: ИВ РАН, 2012.

3. *Блинов А.А.* Интернет в арабском мире // Восточная аналитика. Ежегодник 2011. М.: ИВ РАН, 2011. С. 188–196.
4. *Васильев А.М., Винницкий Д.И.* Египетская конституция: исламское «да» светскому «нет» // Азия и Африка сегодня. 2013. № 3. С. 2–10.
5. *Вебер А.Б.* Развитие в развитых странах – к постановке проблемы // Современные проблемы развития. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 39–50.
6. Государства в таблицах. Краткий статистический справочник. СПб., 2010.
7. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.; СПб., 2004.
8. *Делягин М.* В жерновах глобальной депрессии // Свободная мысль. 2013. № 1. С. 5–18.
9. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М., 2000.
10. *Зомбарт В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М., 2004.
11. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002.
12. *Лаваль К.* Человек экономический. Эссе о происхождении неолитического общества. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
13. *Мак-Нил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев: Ника-Центр, 2013.
14. *Мельянцева В.А.* Арабские страны: кризис модели развития // Азия и Африка сегодня. 2012. № 5. С. 17–20.
15. *Мельянцева В.А.* Причины кризиса в арабском мире // Восточная аналитика. Ежегодник 2011. М.: ИВ РАН, 2011. С. 165–176.
16. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011.
17. *Поланья К.* Избранные работы. М., 2010.
18. *Симония Н., Торкунов А.* Структурный кризис в США // Свободная мысль. 2013. № 1. С. 65–80.
19. *Стегний П.В.* Большая Ближневосточная Весна. Или Война? // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. С. 68–79.
20. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М., 2007.
21. *Фарес В.* Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М., 2012.
22. *Филоник А.О.* Сирия: реформы и политика // Восточная аналитика. Ежегодник 2011. М.: ИВ РАН, 2011. С. 177–180.
23. *Фукуяма Ф.* Будущее истории // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. С. 8–20.
24. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.
25. *Яковлев А.И.* Модернизация Саудовской Аравии: итоги и перспективы в начале XXI века // Восточная аналитика. Ежегодник 2011. М.: ИВ РАН, 2011. С. 48–58.
26. Saudi Arabian Monetary Agency. Annual Report. Riyadh, 2010.
27. Saudi Basic Acts. Riyadh, 2005.
28. *Твал Гадзи О.* Discover the Kingdom of Saudi Arabia. Riyadh, 2009.